

Алексей Притуляк

одностороннего
движения

Алексей Притуляк
Лестница. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Притуляк А.

Лестница. Сборник рассказов / А. Притуляк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В сборник вошли рассказы в жанре магического реализма, мистицизма, абсурда. Герои рассказов, выпав из обыденной реальности в другое её измерение, даже не замечают этого и продолжают жить, как ни в чём не бывало, не ведая, что правила игры изменились. А может быть, они просто возвращаются в настоящую реальность из мира по другую сторону? Кто знает, каков на самом деле тот мир, в котором мы живём... или нам кажется, что живём?

Содержание

Лобовой удар	5
Соль души русской	12
Тело в шляпе	13
БДУ	16
Семидневие	26
И пришёл покой	30
Радуга в октябре	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лобовой удар

Чёрная морда мощного «Ленд Крузера» оскалилась навстречу, грозно рыча, возвышаясь над жалкой синей «десяткой», в которой стремительно искажался и серел лицом Иван Фёдорович, очень быстро и отчётливо превращаясь в чёрно-белую траурную фотографию самого себя.

Всё случилось во вторник и так неожиданно! «Крузер» выскочил на жёлтый, как и «десятка» Ивана Фёдоровича, – только с другой стороны перекрёстка, навстречу. Оба спешили. Мне не ведомо, куда поспешал водитель «тойоты», а Иван Фёдорович торопился к жене, в больницу. На заднем сиденье лежал пакет с тройкой апельсинов, парой яблок, коробкой сока и бутылочкой «Дымовской». Нет-нет, водка предназначалась не жене – её Иван Фёдорович взял для себя, чтобы хоть как-то скрасить вечернее одиночество.

Когда «крузер», бессмысленно взвизгнув тормозами на мокром асфальте, присосался к десятке поцелуем (впрочем, не без отвращения, надо сказать), Иван Фёдорович стукнулся лбом о лобовое же стекло. Удар был не очень сильным, но бедняга тем не менее потерял сознание.

От этого ещё никто не умирал, – скажете вы. Иван Фёдорович тоже умер не от этого. Умер он от того, что в момент удара карамелька «Фруктовый микс» (кондитерская фабрика «Рот Фронт») скользким камешком шмыгнула изо рта в горло – в трахею – и перекрыла дыхание. И пока сознание Ивана Фёдоровича находилось по ту сторону, его организм, находившийся по эту, тихонько умер от удушья...

Пришёл в себя Иван Фёдорович в чистом поле. Терпко пахло свежескошенным сеном, тревожно – надвигающейся грозой, сладко – кизяками, и задушевно – типичной Российской глубиной. Но не раем, точно. И уж тем паче – не адом.

Немного удивлённый обстоятельствами Иван Фёдорович, против всех законов физики и жизни, глубоко вдохнул свежий полевой воздух и кашлянул. Из трахеи вылетела карамелька «Фруктовый микс», ударилась в передние (вставные, увы!) зубы и сладким гольшом скользнула под язык. Иван Фёдорович ничего не имел против. Он причмокнул, языком перебросил конфетку за щеку и осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь ориентира.

Не было вокруг никаких ориентиров, если не считать четырёх сторон света, названия которых он, разумеется, знал, но вряд ли они могли чем-то помочь. Ориентирование по звёздам не входило в сферу интересов Ивана Фёдоровича, поэтому он махнул рукой и выбрал направление по ветру. Очень типичное для Российской глубинки направление.

«Хорошо гулять по свету, с карамелькой за щекою» – напевал он себе под нос, споро шагая по пружинящему травяному ковру.

«Хоть по этому свету, хоть по тому – лишь бы карамелька была вкусная» – добавлял речитативом. Настроение было неожиданно хорошим.

Долго ли он шёл, коротко ли, а только ничего в пейзаже не менялось: степь да степь кругом. А где-то вдалеке – на западе, что ли, – уже спастически дёргались в небе оголённые нервы молний и бронхитисто покашливал гром. И совсем уж было решил Иван Фёдорович, что придётся ему ночевать в широкополье, под грозой, где-нибудь в стогу, как вдруг увидел на горизонте пятнышко неяркого света от одинокого костра.

Он прибавил шаг, напевая громче и жизнерадостней, и буквально в четверть часа добрался до просёлочной дороги, на обочине которой, чуть в стороне, приютилась небольшая палатка. Ещё чуть дальше, в неглубокой ямке, разложен был костёр, над которым закипал прокопчённый долгим употреблением чайник. Рядом стояли две алюминиевые кружки.

У костра задумчиво смотрел на огонь неприметного вида человек и, кажется, наслаждался одиночеством и погодой. Это был Бог.

Иван Фёдорович в Бога не то чтобы яростно не верил, но сомневался, когда задумывался. А задумывался по этому поводу он крайне редко. И тем не менее, кто-то ему сейчас, – какой-то голос в голове, – отчётливо и вполне серьёзно сообщил: а ведь это – Бог!

Иван Фёдорович не преисполнился священного трепета, душа его не возликовала, на колени он не рухнул. В общем-то, были у него основания не очень радоваться встрече с тем, кто одним мановением руки взял и сократил его жизнь до невозможности. Но, к чести его надо сказать, никаких претензий выдвигать он тоже не стал. Он только пощупал шишку от лобового удара, удивился, что ни боли, ни головокружения не чувствует и чуть улыбнулся навстречу непонятному взгляду Господа – то ли вопросительному, то ли добродушно-насмешливому.

Причмокивая карамельку, Иван Фёдорович неловко кивнул и подсел к костру.

– Пришёл? – спросил Бог без всяких предисловий, словно только его, Ивана Фёдоровича, и ждал сегодня весь день.

– Да вот, – пожал плечами Иван Фёдорович. – Не думал, не гадал.

– А оно так обычно и бывает, – кивнул Господь, неторопливо раскуривая простецкую деревянную трубку, пыхая сизым дымком, который тут же уносился бризом вслед за дымом костра. Пахло чем-то церковно-ароматным, нежным и вдохновенным, как трепетная девичья молитва.

– Сладкое, стало быть, любишь? – произнёс Бог, раскурив наконец люльку. И бросил быстрый взгляд на провисшее мокрым лоскутом поздневечернее небо. – Дождь будет.

– Люблю, – признался Иван Фёдорович. И усмехнулся: – «Сладкая» смерть у меня была.

Господь гоготнул, покивал:

– Ага. – И добавил задумчиво: – Но, я тебе скажу, бывает и слаще.

«Да он совсем простой мужик! – благодушно подумал Иван Фёдорович. – А я его другим представлял».

Хотя, честно говоря, Иван Фёдорович Бога вообще не представлял, или представлял крайне редко и довольно абстрактно. Метафизических размышлений был он не любитель – он больше по технике специализировался. Страстью его были машины, а в церковь он если и ходил, так это пару раз, когда жена посылала за святой водой, на Крещение. Тем не менее, при входе за церковную оградку, Иван Фёдорович шапку снимал, смущённо поглядывал на образа и чувствовал себя странно и как-то ненатурально...

Перебивая думы и воспоминания, внутренний голос шепнул ему: «Ты поосторожней с мыслями-то! Он ведь всё видит».

Иван Фёдорович спохватился, бросил на Бога испытующий и смущённый взгляд. Но Бог если и видел всё, то виду не подавал. Сидел себе, покуривал трубочку да смотрел задумчиво в огонь.

– Водку жалко, – вздохнул Иван Фёдорович совершенно не кстати.

– А? – не понял Бог.

– Водку, говорю. В машине осталась. Сейчас оприходовали бы, за знакомство-то. Или ты, поди, не пьёшь?

– Отчего же, – просто ответил Господь. – На Пасху или, там, на Рождество – очень даже. Ну, и у костра, на природе, водочка тоже ничего.

– Ага! – обрадовался Иван Фёдорович пониманию. – Мы, вот, с Петром как на рыбалку соберёмся, на Гривку, к затонам... Костерок разведём под ушицу и-и... А какие там кузнечики – это ж удивление одно!.. А дрозды, дрозды-то чего вытворяют, ты бы послушал!.. А то, слышь, давай с нами, в пятницу, если...

И тут вдруг, разом, осознал Иван Фёдорович всю страшную правду своего теперешнего положения и сразу осёкся, замолчал. Защищала глаз горячая слеза понимания того, что всё кончилось, и никогда уже ничего не будет: ни ушицы, ни водочки, ни запаха карбюратора, ни хозяйственного голоса жены, диктующей список покупок, ни холодного ручья поутру, ни

дроздиной вечери. «Фруктовый микс» утратил весь свой лимонно–жизнерадостный вкус, оботившись химически–ненатуральным смертоносным сплавом.

Бог конечно понял нахлынувшие на Ивана Фёдоровича мысли, но ничего не сказал. Только головой покачал раздумчиво.

– Жалеешь? – спросил через минуту.

– Кого? – не понял Иван Фёдорович.

– Себя. Что не дожил – жалеешь?

– А-а, это... А что, бывают такие, что не жалеют?

– Бывают, – кивнул Господь.

Иван Фёдорович пожал плечами.

– Да чёрт его знает... – брякнул он и не договорил, спохватился. – Ой, ё–ка–лэ–мэ–нэ! Я хотел сказать... – И, встретив улыбающийся Господень взгляд, совсем стушевался, махнул рукой: – В общем, ты и сам всё знаешь.

В лысину ударила первая тяжёлая капля; не отразилась равно углу падения – обратилась сотней влажных пылинок. Иван Фёдорович поднял к небу лицо, принял на бровь вторую каплю.

Похолодало. Пронёсся по лугу вспугнутым зайцем ветер. Дрогнула молния, вцепилась в небо, дёрнула, отрывая ломоть. Кусок небесный рухнул вниз громом, упал на землю; приминая травы, покатился по лугу – пыхтя и ухая, подпрыгивая на кочках. В зияющую небесную рану устремилась непроглядно чёрная, даже на чёрном небе, туча – заволочла, затянула, покрывая клубящейся пеной.

– Эх, спрятаться бы, что ли, – недвусмысленно произнёс Иван Фёдорович, неуютно поёжившись, бросив быстрый, но многозначительный взгляд на палатку.

– От кого? – спросил Бог.

– Так это... – удивлённо взглянул на него Иван Фёдорович. – От дождя же.

И тут – началось!

Гром рывкнул так, что рык его ощутимо надавил на плечи, прижимая к земле. Ветер уже не зайцем, а разъярённым драконом пролетел над полем, укладывая травы по–своему, меняя земле причёску. Молнии запольхали одна за другой, пугая: казалось, что свод небесный лопается, трещит по швам, рвётся в лохмотья с неровными обдёрганными краями. Дождь не пролился даже, а упал с неба – тяжёлым промокшим покрывалом.

Иван Фёдорович невольно приклонился к земле, накрывая голову руками, приготовившись быть в одну секунду промоченным до нитки.

Но странное дело – больше ни одной капли не упало ни на него, ни в костёр, который продолжал гореть жарко и ровно, словно не было вокруг ни ветра, ни ливня, и вообще никакого разгула стихий. И палатка стояла сухая и спокойная.

– Это как же? – успел удивиться Иван Фёдорович, прежде чем до него дошло: Бог ведь рядом, какие уж тут стихии.

– Лихо! – произнёс он вслед ушедшему удивлению. И добавил: – Хорошо быть богом!

Господь неторопливо улыбнулся наивному человеческому восторгу.

– А правда, – задумался Иван Фёдорович. – странное дело... Я вот, прости, Господи, никогда особо о тебе не задумывался. Ну есть ты, нет тебя – не всё ли мне едино. Мне бы с «десятой» моей разобраться да с жёнушкой неугомонной... А тут – ты...

– А тут – я, – повторил за ним Господь, словно пробуя мысль на вкус, смакуя.

– Угу. И всё про меня знаешь. Всё ведь?

– Всё, – просто пожал плечами Бог.

– Ох, мать честная! – Иван Фёдорович даже поёжился. – Это же... ужас! Не хотел бы я быть на твоём месте.

Господь грустно улыбнулся, ничего не сказал.

– Нет, с одной стороны – хорошо, – раздумчиво продолжал Иван Фёдорович. – Дождь, вон, тебя не мочит... Молния не ударит сроду... Живёшь, опять же, вечно. И нет ничего невозможного. Нет?

– Нет.

– Угу. А с другой–то стороны... Это ж какую уйму людей тебе надо услышать, сохранить и спасти! Одному... Тяжело?

– Привык, – коротко ответил Бог, выбивая трубочку в костёр.

– Не-е, – недоверчиво протянул Иван Фёдорович. – Как тут привыкнешь. Мне, вон, моя иной раз, вечером, на кухне, после стопарика, как начнёт в грехах своих каяться, обсказывать всё... А я ей говорю: не, Сергевна, ты это, давай–ка, я лучше не буду слушать. И мне, – говорю, – спокойней, и тебе потом стыда не будет. Да и надо оно мне – чужие грехи нянчить? Со своими не знаешь чего делать...

– Так ты б не грешил, – вставил Бог. – Чего проще–то.

– А?.. Ну ты скажешь, тоже... Тебе легко говорить, ты – безгрешен. А тут не знаешь, с какой стороны ударит.

Гроза не унималась. Гром то исподволь погромыхивал, то ревел канонадой. Ветер метался и плясал вокруг, грозил поднять и унести, но сделать ничего не мог. Над головой, до самого неба, столбом стояло свободное от дождя пространство, в которое ни одна капля не смела залететь. Молнии низверзались на землю падшими ангелами; земля отвечала вздохами и, казалось, дрожала уже – до того была наэлектризована.

Странно это было, очень странно – сидеть на сухом и тёплом пяточке, у костра, в то время, как мир вокруг будто разрушался, падал в тартарары, проваливался в бездну несотворённости.

А Бог снял с огня засвистевший чайник, отставил в сторонку, подул на пальцы. Потом разлил по кружкам кипятков, протянул одну Ивану Фёдоровичу.

«Пакетик бы чаю, – подумал тот. – С бергамотом. Чего ж простой кипятков–то глыкать».

Однако, приняв из рук Господа обжигающую кружку, сразу уловил парящий горячий аромат чая. Или не чая. Сбора ли какого. Но пахло очень сладко и на всю ивановскую.

«Ну да, – кивнул он своим мыслям, – ему что вино из воды сделать, что чай... Мне бы так–то. «Дымовская», вон, в машине осталась похоронена...»

Воспоминание о водочке кольнуло в подреберье. Замелькали в голове картинки прошлого, которое теперь было таким далёким и невозвратным. Явились мысленному взору исполненные укоризны глаза жены. Услышался плач дочери. Заскрежетал в ушах подъёмник эвакуатора, взграмаздывающий на платформу покорёженную «десятку».

Всё кончилось, всё! Как будто и не было. А и было ли оно на самом деле?..

– Вернул бы ты меня обратно, а? – неожиданно для самого себя и беспокойно произнёс Иван Фёдорович. – Жену мне выходить надо. Дочь в сентябре родить должна. Говорят, сын. Внук, значит, у меня будет. Дача вечно не достроена. Кот у меня, Понтием кличут... А?

– Так а я что ж, – пожал плечами Бог. – Это ты сам решаешь.

– В смысле? – удивился Иван Фёдорович. – Ты ж меня прибрал.

– Не прибирал я тебя.

– Так мы чего, не в раю?

– А ты прямиком в рай нацелился? – улыбнулся Господь. – Нет, не в раю.

– А где?

– Здесь, – развёл руки Бог. – На распутье.

– О как...

– Ага. Пойдёшь налево – коня потеряешь, пойдёшь направо...

– Да и ладно бы с ним, с конём–то, – махнул рукой Иван Фёдорович. – Хотя, жалко «десяту» мою. Я ж с ней... Эх!.. Ну да ладно, лево–право, право–лево... Ты скажи, куда идти, чтобы себя не потерять.

– Всё–то вам скажи да подскажи, – проворчал Бог. Незлобливо и не в сердцах, впрочем.

– Ну, так ты ж это... Мы ж дети твои, вроде как.

– «Вроде как...» – повторил Господь и покачал головой. – Прямо иди. Это лучше всего, чтобы себя сохранить.

– Ну, это я и сам знаю, – поморщился Иван Фёдорович. – Это все так говорят.

Господь пожал плечами: так а чего ж тогда спрашиваешь–то...

Помолчали, слушая грозу. А гроза говорила много, торопливо и сбивчиво. То бормотала что–то себе под нос, то раздражалась вдруг длинными и громкими громовыми тирадами. Пришепётывал что–то дождь. Вздыхал и сопел ветер.

И, несмотря ни на что, была в сердце какая–то благодать. И уютно было, будто не в чистом поле переживаешь грозу, а в осенней сторожке – попиваешь чаёк с сахарком вприкуску да поглядываешь в оконце. И просишь гром потише, чтобы поющего сверчка не заглушал напрочь.

Иван Фёдорович прихлёбывал горячий напиток, от которого на душе стало ощутимо легче. Может, он, этот Божий чаёк, грехи с неё смывает?

Или, прости господи, отшибает чувствительность – подготавливает к переходу на тот свет?

Ой, нет, нехорошая это мысль! Разве станет Он так с людьми...

– Кто же ещё подскажет–то, – вернулся Иван Фёдорович к разговору, взглянув на дерзкий молниевый выплес у горизонта. – Ты же это... один у нас всеведущий и всевидящий. Пока ты есть, кого ж ещё...

– Нет меня, – перебил Бог.

– В смысле? – не понял Иван Фёдорович и даже чай чуть не пролил.

– А какой тебе ещё смысл, – грустно улыбнулся Господь. – Правы были атеисты. Нет меня.

– Постой, постой! – всполошился Иван Фёдорович. – Какие к чертям атеисты?! Что значит «нет меня»?! Ты бог или не бог?

– Бог.

– Ну. Ты сидишь в раю или не сидишь?

– Не сажу. Ушёл я из рая.

– Куда это? – изумился Иван Фёдорович. – Где ж ты теперь?

– Здесь, – повёл взглядом вокруг Господь. – На распутье.

– Эвона как... – Иван Фёдорович похлопал себя по карманам в поисках карамельки. Но карамелек больше не было. Поэтому он только покачал головой и повторил: – Эвона как...

И спросил через минуту, испуганно:

– И кто ж теперь всем заправляет?

– А никто, – просто ответил Бог.

– То есть? Значит, бабульки по церквам молятся тебе, а тебя – нет?

– Нет.

– Весело!.. А Завет как же?

– Понимаешь, – пожал плечами Господь, прихлёбывая чай, – время такое пришло...

Переосмыслить надо многое, понять.

– Хм... Неправильно это как–то.

– Я уж и сам не знаю иногда, что правильно, а что – нет. Устал я.

– Ну, ты это... назвался груздем...

– Да знаю я, – перебил Бог. – Над новым Заветом думаю, в общем.

– Новым? А старый куда ж? Это, стало быть, конца света не предвидится пока?

– Не предвидится, – кивнул Господь. – Не готовы вы ещё.

– Это хорошо, – кивнул Иван Фёдорович, возвращаясь к чаю. – Дача у меня недостроена вечно. А тут Машка в сентябре родить должна. Внук, понимаешь, у меня будет, хе-хе... А так-то и мы с Сергеевной отчебучить можем молодца или молодуху ещё одну. Я уж ей давно говорю: слышь, Сергеевна, а не сообразить ли нам...

И тут снова накатило на забывшегося Ивана Фёдоровича осознание необратимости процесса. Взгляд его стал тоскливым и отрешённым.

А Господь отставил кружку, поднялся неспешно, взял старенький, оглаженный бесконечностью времени, посох, лежащий у костра, посмотрел на Ивана Фёдоровича задумчиво.

– Пойдём, что ли, – сказал негромко.

– Это куда? – испугался Иван Фёдорович, спешно доглатывая чай. И тут же пристыдил себя за страх. Бог ведь рядом – неужели чего плохого ждать!

– Доведу тебя до перекрёстка.

– Опять перекрёсток, – поморщился Иван Фёдорович. – Я – вот только прибыл с одного... Чёрт меня дёрнул на жёлтый!..

– Ну а что делать, – улыбнулся Бог. – Это только в ад всегда зелёный свет и дорога проторена.

– Неправильно это, – вздохнул Иван Фёдорович, поднимаясь, поглядывая на бушующую вокруг стихию. Гроза хоть и унималась, вроде, однако дождь был ещё плотный – ни тропы не видать, ни вообще на пять шагов вперёд. Где тут найдёшь перекрёсток...

– Всё-то вам неправильно, – проворчал Господь. – Взяли бы да сделали как надо.

– Кто ж его знает, как надо-то, – смутился Иван Фёдорович.

А Бог уверенно, хотя и неторопко, двинулся вперёд. И гроза расступилась перед ним, дождь будто упал на колени, молитвенно преклонив голову. И только травы роняли влагу на сандалии Его и край белых одежд.

Иван Фёдорович пошёл следом, не переставая восторгаться всемогуществом Божиим.

Идя сзади, след в след, он, любопытства ради, качнулся в сторону и вытянул руку в дождь. Но дождь, словно предвидя его детскую выходку, тут же изменил направление, и ни одной капли не упало на подставленную ладонь.

«Тоже как-то не очень, однако, – подумал Иван Фёдорович. – Вроде как перебор».

И тут же укорил себя за привередливость: «И правда, не угодишь на нас: и так не сяк, и этак об косяк. Трудно ему с нами, ох трудно! Не хотел бы я быть богом».

Молча и как-то незаметно, минут за двадцать, дошли они до перекрёстка, где выходила тропа на неширокую просёлочную дорогу, посыпанную гравием и оттого только не увязшую в грязи.

Тут Бог остановился, повернулся к Ивану Фёдоровичу, развёл руками.

– Вот, – сказал он. – Твой перекрёсток. Дальше – сам.

– А куда идти-то? – струхнул Иван Фёдорович, неуютно оглядываясь по сторонам и представляя, с какой радостью гроза наконец-то примет его в свои объятия. Не было видно по сторонам ни зги – только кусок дороги, а дальше – сплошной стеной стоял дождь.

– Так прямо же, – улыбнулся Господь. – Всё прямо и прямо. Пока не придёшь.

– Куда?

– Откуда ж я знаю, куда ты хочешь. Ты как дитя, право слово. Полжизни прошёл, а доселе не определился, куда идёшь.

– Прости, – понурился Иван Фёдорович.

– Бог простит, – пошутил Господь. И показал налево: – Если дальше хочешь идти, то тебе туда. А если обратно решил, то, – кивнул направо, – в эту сторону шагай.

– А можно – обратно-то?

– Ох... – вздохнул Бог. – Уйду я от вас. Насовсем. Живите как знаете.

– Прости, – заторопился Иван Фёдорович. – Я ж первый раз в такой ситуации. Ты ж, поди, тоже не всегда... ну, это...

– Да ладно, – отмахнулся Господь. – Ступай, в общем.

– Ага, – кивнул Иван Фёдорович. – Только ты это... не оставляй меня, а? Ну, в смысле, хоть иногда направляй, куда следует. Я ведь не очень чтобы... В смысле, с горяча–то могу такого наvertеть... Ну, ты знаешь.

– Угу, – улыбнулся Бог.

– Не оставляй! – попросил Иван Фёдорович, боясь, что Господь в ироническом смысле улыбнулся. – А то, может, правда, приходи к нам, на Гривку? Посидим с удочками. Я тебя с Аркадьичем познакомлю. Покалякаем о том, о сём. А? Ну? Третьим будешь?

– Где двое или трое соберутся во имя моё, там и я среди них, – улыбнулся Бог.

– Ага. Ну, лады!

Иван Фёдорович поколебался немного, протянуть ли Господу руку. Но как–то неправильно это выходило – по–простому слишком, земно. Дёрнулся было хлопнуть по плечу, да вовремя остановился – ещё того лучше, совсем сбрендил!.. Наконец, так и не решившись, подумал сказать простое человеческое «Ну, бывай, что ли!», но язык почему–то сам, против воли хозяина, молвил:

– Благослови, Господи.

И вдруг перехватило дыхание, голова склонилась, и что–то горячее и живое разлилось по сердцу, когда персты Его коснулись чела. Душа, видать, возвращалась в свою обитель.

– Благ будь, человече, – донеслось будто издалека.

Иван Фёдорович закашлялся, выпучив глаза – едва не поперхнулся карамелькой «Фруктовый микс». Ударил по тормозам. И вовремя. Потому что уже загорелся красный. А на перекрёстке вдруг, суматошно взвизгнув покрывками, вылетел на встречную мордатый «Ленд Крузер», извернулся, вывернулся, захрипел, царапая бампером мокрый асфальт, намереваясь превратиться в жука, завалившегося на спину и не могущего подняться...

Кузнечики надрывались в лугах так, что казалось, где–то поблизости работает косилка. В подобравшейся к затону притихшей роще, как певчие на клиросе, начинали вечернюю распевку дрозды. Ветерок игрался с дымом костра, подмешивал к его душноватой горечи медовую накипь с клевера. Жадных до крови комаров ещё не было – не повылазили ещё.

Уха попевала. Уже и рыбы души, освобождённые от бранных и мокрых тел своих, вернулись в затон, одухотворили смётанную икру – изготовились продолжать кармическую круговерть.

Водка, заначенная в реке, у бережка, почуяла расправу, похолодела от ужаса. Гремели посудой, доставая миски–кружки; кромсали крупными ломтями хлеб, высвобождали из забутки огурчики–помидорчики, снаряжали чайник, сглатывали слюну.

– А ты чего это? – удивился Пётр Аркадьевич, кивнув на третью кружку, выставленную на скатёрку.

Но Иван Фёдорович смутился почему–то, ничего не ответил. Он только улыбался странно да, пока доходила ушица, всё поглядывал в луга – не появится ли на горизонте нетопкий силуэт с посохом в руках.

Соль души русской

На берегу маленькой и шустрой речушки Гривки, что в нашей губернии протекает, живёт с некоторых пор старенький астматичный мужичонко, на пенсию, по фамилии Цуг. Ранними утрами удит он рыбу, коей в Гривке ещё с советских времен осталось не выловлено – по недосмотру местной рыбоохраны – вот столько и ещё баржа. Если с утра пораньше вы отправитесь босиком по траве в сторону выселок, то непременно увидите соломенную шляпу от неблагоприятных метеоусловий и комаров – это и есть пенсионер Цуг Илья Климович в своей соломенной шляпе. Но только не пытайтесь с ним разговаривать в этот час, потому что он может и обматерить – не со зла, правда, а чтобы рыба шла. Но ведь всё равно неприятно.

В остальное время суток пенсионер Цуг занимается литературным творчеством, потому что чем ещё пенсионеру на пенсии заняться, сами посудите. Пишет Илья Климович очень складно и крайне жалостливо. Делает он это не по велению души, а с личным умыслом. Написав новую небылицу, торопится он из дома в дом, со двора на двор, со старым бухгалтерским портфелем доперестроечного образца в одной руке и с литровой банкой – в другой.

Зайдя в хату, Климыч собирает всё её население в круг, вручает самой главной бабе принесённую тару и усаживается поблиз. Далее он достаёт из портфеля свежую рукопись и начинает чтение душещипательного рассказа о тяжелой женской доле и несчастной любви. Не проходит обычно и четверти часа, как в банку падает первая мутноватая и жалостливая бабья слеза.

Илья Климович пристально следит за тем, чтобы ни одна капля не упала мимо банки, не была бы размазана по щеке или смешана с некстати набежавшей скорбной соплёй. И что вы думаете, к вечеру таки набирается если не полная банка жалости, так уж грамм на девятьсот – это как пить. Где, бывает, и мужики смахнут мокреть с седого прокуренного уса, а уж молодые девки режут так, что на церкви колокола гудят. Вот.

Аккуратно приладив к таре крышку, Климыч возвращается к себе. Там он, приняв во здравие своё четверть самогона, выгнанного бабкой Митришной, что с выселок, принимается за наловленную с утра рыбу. Да, таки натурально засаливает её в горячий бабьей слезе да ему одному ведомых специях.

На следующий день рыбка уже вывешена у него на дворе, на щедром летнем солнце – вялится. А как вызреют речки Гривки дары, так собирается Илья Климович в город, на рынок, коммерсант хренов.

И что я вам скажу. Мужики–пиволюбы за Цуговой рыбкой в очередь толпятся и чуть морды друг другу не квасят! Это я сам лично видел. По ста рубликов за рыбёшку имеет на бабьей жалости капиталист! Лучше Цуговой, говорят, рыбки к пиву ну ничего нет. Как, вроде, в господней моче рыбёха вымочена – такая у неё вкусность, такое благообразие после неё наступает и осветление души. Единственный, говорят, побочный эффект отмечается – жалостливость ко всей бабьей нации такая просыпается, что жить порой не хочется. Придёшь, мол, домой, уткнёшься в подол жене и ну реветь, чисто теля. Жалеешь её, чуть пятки не целуешь. А бабе чего ещё надо для её недолгого бабьего счастья... Она тебе и пиво простит и ублажит телесно – в смысле и борща и чего посолоней.

Уже и за граница Цуговой рыбкой заинтересовалась. Переговоры ведут о покупке лицензии.

Да только Климыч – ни в какую. Я, говорит, соль души русской, бабьей, никогда проклятой Антанте не продам. Я, говорит, и Родину – то в своё время не продал, хотя допуск имел. И на том, говорит, – баста.

Вот такая история. Не вру ни разу.

Тело в шляпе

Янош обнаружил его совершенно случайно, когда пришёл домой. Странно, что этот человек не нашёл лучшего места, где повеситься.

Тело висело прямо в прихожей, на крюке, который держал лампу. Лампа была снята и аккуратно поставлена на старый комод. И даже пыль с плафона висельник сначала тщательно стёр, чего давно уже не делал Янош. Тут же была аккуратно сложена одежда, принадлежащая телу, а само тело – совершенно нагое, но в шляпе – висело на крюку, как уже и было сказано. Шляпа каким-то образом не упала с головы, свесившейся на плечо. Она представляла собой высокий строгий цилиндр, в котором не стыдно было бы явиться и на приём к высокопоставленной особе, не только что повеситься.

Немного пораздумав, что же теперь делать, Янош поднял валявшийся на полу табурет, отброшенный, видимо, в последний момент ногой, принёс из кухни нож и полез снимать тело.

Повешенный был довольно худощав, поэтому обошлось без падения с табурета и лишнего шума. Одной рукой обняв тело за талию, второй он обрезал верёвку и, уже обеими руками прижимая повешенного к себе, кое-как спустился на пол. Правда, шляпа самоубийцы при этом свалилась с головы и закатилась за старый буфет, в котором хранились банки с вареньем. Пришлось лезть и доставать её, то и дело окунаясь лицом в густую паутину и чихая от пыли.

Достав цилиндр, Янош обнаружил внутри его, на подкладке, чернильную полурасплывшую надпись «Я. Лепец». Это удивительно: повешенный оказался однофамильцем Яноша.

Во исполнение последней воли самоубийцы натянув ему на голову цилиндр, Янош перенёс тело в комнату и положил на скамью. После чего пошёл поставить на огонь чайник.

– Эй, Янош, ты бы его хоть простынёй накрыл, срамота же, – сказала соседка, Мартина, зашедшая занять охапку дров.

«И то правда, – подумал он. – Неловко как-то». И накрыл тело накидкой, взятой с кровати.

– А ты уже проведал, чьё это тело? – спросил сосед Миклош, который чуть не каждый день заходил на чай. И как это он узнаёт всегда, что у Яноша закипел чайник?

– Нет, – ответил Янош. – Мне это не интересно. Теперь-то оно всё равно никому не принадлежит, кроме как богу.

– А вот и не так! – возразил Миклош, который был известным на всю деревню спорщиком – ему бы только поперечить. – Ещё как принадлежит!

– И кому же? – поинтересовался Янош.

– Тебе, дурачина! – рассмеялся сосед. – Вот возьмём случай, что нашёл ты на дороге подкову. Чья она будет?

– Моя, – поразмыслив, ответил Янош.

– Вот! – довольно хлопнул его по плечу Миклош. – А тело ты вообще у себя в доме нашёл. Значит, оно хоть как твоё.

– Ну, значит, моё, – равнодушно согласился Янош, скрывая охватившее его чувство гордости. И то сказать: подкову может найти любой. Вон, в прошлую среду Ярудек нашёл такую – подумаешь. А вот ты попробуй найти тело!

На следующий день уже вся деревня знала о находке Яноша. Целыми семьями приходили посмотреть на повешенца. Качали головой над удивительной шляпой, охали и удивлялись вымытой лампе, щупали тело и заглядывали ему в рот, как коню, словно хотели определить возраст.

– Продай, а? – попросил бочар Втыкл, отозвав Яноша в сени. – Тебе ведь он всё равно без надобности.

Надо сказать, Втыкл был известный на всю деревню охотник поторговаться. Самую ненужную вещь он, бывало, покупал себе за большие деньги, если только хозяин начинал торговаться с ним.

– А тебе на что? – спросил Янош.

Спросил он это не без умысла. Втыкл мог подсказать ему, как можно использовать тело.

– Знаю, на что, – скрытно ответил сосед. – Продай. Хорошо заплачу.

– Нет, – покачал головой Янош. – Очень уж полезная в хозяйстве штука, никак не могу продать.

– Да на что он тебе, – убеждал Втыкл. – Разве что забор станешь им подпирать. Так ведь тело попортится быстро. Тогда уж не продашь хорошо. А я заплачу. И за шляпу отдельно.

– Нет, – качал головой Янош. – Нет, и не проси, сосед, никак не могу продать.

На том и разошлись.

На следующий день Янош вынес тело в огород и подпёр им давно покосившийся забор. Головой подпереть было нельзя, потому что на ней высился цилиндр. Поэтому Янош сложил тело у забора буквой «Г», так, чтобы ноги как раз навалились на плетень. Теперь, проходя мимо огорода Яноша, в любое время дня и ночи можно было наблюдать торчащие над оградой голые ступни сорок четвёртого размера.

– Продай хотя бы одежду! – при следующей встрече пристал Втыкл.

– Нет, сосед, никак не могу, – покачал головой Янош. – Смотрю, она мне самому как раз впору.

На следующий день он щеголял по деревне в черных штанах и чёрном же фраке, под которым белела накрахмаленная рубашка. Правда, Янош немного ошибся – одежда была ему великовата, так что рукава и штанины пришлось подворачивать. И цилиндр забрать с головы тела он не решился, поэтому надевал как обычно, по погоде, то свою поношенную рыжую кепку, то старый облезлый малахай. Ботинки тоже были велики и немилосердно тёрли, но Янош крепился.

Как-то зашёл к нему сосед через два дома, Вацек.

– А не займёшь ли, – говорит, – мне, Янош, тело своё на денёк?

– Это для чего же?

– Жениться решил. На Марыське молочнице. Уже сговорено всё и слажено. Хотим, вот, посадить твоё тело свадебным генералом. Оно же в шляпе у тебя, так Марыська говорит, что очень, мол, знатно будет смотреться.

– Кхм... – задумался Янош.

– Да ты не беспокойся, сосед, – поспешил успокоить Вацек, – вернём в лучшем виде, без единой царапины. Ещё и заплатим тебе за подержание, какой разговор.

– Пять грошей возьму, – решил Янош.

Так и пошло. Одни на свадьбу, другие свидетелем при клятве или сделке какой (кто ж при покойнике обманывать-то станет), третьи – в губернию выехать, для солидности, иные – так просто, перед соседями покрасоваться, а кто и в карты сыграть, скоротать вечерок. Стали из других деревень приходить. И даже из города барин какой-то приезжал: «Дай, – говорит, – тело своё на денёк. На охоту, – говорит, – едем, так мы его вместо штандарта».

В общем, дела у Яноша пошли в гору. Цена на подержание постоянно росла, скоро он уже меньше тридцати грошей за день и не брал. Мошна его стала тугой, супротив того обыкновения, что болталась на дне её жалкая монета в пять грошей или, в лучшем случае, гривенник.

Так бы и стал он богатеем и женился бы, глядишь, на Даринке швее, на которую уж давно заглядывался, да только тело однажды пропало. Цилиндр остался, а тело – исчезло. Янош как, скажи, при пожаре бегал вокруг дома своего и охал и руками плескал и спрашивал всех подряд, не видел ли кто его покойника. Никто. И только нашёл он босоногие следы сорок четвёртого

размера, что уходили по рыхлой огородной земле от кладовой, где хранился повешенец, вниз, к реке. Тогда понял Янош, что тело вдруг взяло и утонуло.

«Уж чем ему не жизнь—то была, — горестно думал Янош. — Уж, кажется, мало какому телу так свезёт. Я же его и в баню каждое воскресенье, и слова худого не сказал отродясь, и водочки ставил на ужин за помин души, хотя и не полагается самоубийца—то поминать...»

Однако, думай, не думай, а жизнь у Яноша пошла с того дня под откос. Стал он запивать, накопленные деньги быстро разошлись по шинкам, по друзьям—выпивохам, да на подарки Даринке швее, которая подарки—то брала, а нос от Яноша воротила. Скоро на дне кошны его опять валялся одинокий гривенник, в башмаке образовалась дырка, фрак поизносился и всю свою былую представительность утратил.

В общем, ничего другого для себя Янош больше не видел, как взять и покончить разом с неудавшейся жизнью своей.

И покончил. Снял штаны, фрак и белую рубашку, сложил аккуратно на комод. Там же поставил штиблеты. После чего надел на голову цилиндр, встал на принесённый табурет, да и влез в петлю. Аминь.

БДУ

– Надоело! – сказал Виктор Анатольевич, глядя на своё отражение в зеркале. – Всё надоело.

– К чёрту! – добавил он устало, после того как минуту рассматривал свои небритые щеки и выдавил прыщик под носом. – Сейчас позвоню и скажу им всё.

Это был не первый случай, когда Виктор Анатольевич хотел позвонить и сказать «им» «всё». Наверное, в сорок два года у многих мужчин возникает подобное желание позвонить и сказать. Особенно по утрам. Особенно, когда утро серое, хмурое и не обещает ничего хорошего.

Действительно, трудно смириться с тем, что тебе сорок два, на завтрак опять всё та же неизменная яичница, утро хмурое и уже совсем по-осеннему неудобное, а в театре тебе в сотый раз придется повторять всё те же набившие оскомину слова из роли второго плана.

Он уже совсем было потянулся к телефону, но в последний момент передумал. Всё-таки следовало сначала умыться. И позавтракать! Да, спокойно, никуда не торопясь, позавтракать. Может быть, даже, сходить в магазин и взять что-нибудь посолиднее для завтрака. Торопиться ведь некуда. Все равно он сейчас позвонит им и всё скажет.

Всё же, пока он умывался и чистил зубы, до боли знакомое чувство тревожило его. Это было чувство некоей несвободы, чувство того, что он не хозяин своего времени. Кто-то невидимый и неведомый лучше его самого знал, сколько времени он имеет право потратить на туалет, на завтрак, на дорогу до остановки...

– Почему?! – воскликнул Виктор Анатольевич, забрызгав зубной пастой зеркало, перед которым чистил зубы.

– Почему всё так? – обратился он к своему отражению уже внешне спокойно, но чувствуя, что готов взорваться изнутри приступом ярости. – Какого чёрта?! Тебе сорок лет! И что? Кто ты?

Он замолчал на минуту, позволяя отражению найти нужные слова. Но отражение молчало. Оно было несвежим и жалким – с красным следом от прыщика под носом, с противно-мятной зубной пастой на губах, с нечёсаными волосами и серой как это утро щетиной на щеках.

– Дерьмо! – с сердцем произнес Виктор Анатольевич, наклоняясь над раковиной.

Непонятным осталось, к кому относилось это ругательство: к отражению ли, к осеннему ли утру, или к жизни вообще.

Он быстро покончил с умыванием, после недолгого раздумья «Бриться или на фиг?» решил всё же не бриться, наскоро пригладил волосы расчёской и вернулся в комнату. Сначала ноги привычно понесли его в кухню, но он сердито их одёрнул. Хватит! Теперь он сам решает, когда, что и в какой последовательности делать.

Какое-то тревожное чувство не покидало его. А сейчас, когда он с уверенным видом прошествовал мимо кухни, словно подводя некую незримую черту, это чувство стало ещё более острым. А так ли надо? А всё ли он правильно делает? А что то будет? Ведь это всё, это конец. Конец привычной старой жизни и начало некоей новой... Не рано ли? Готов ли он? Не поздно ли?

Усилием воли Виктор Анатольевич заставил этот тревожный внутренний голос замолчать. К чёрту! Надоело. Будь что будет...

Он демонстративно прошагал мимо платяного шкафа к тумбочке, на которой примостился телефон, порывисто сел на пуфик и снял трубку.

Протяжный гудок был каким-то тревожным, осиротевшим, он дико не гармонировал с привычным распорядком.

Не давая себе времени опомниться, Виктор Анатольевич быстро набрал номер.

В трубке что-то сухо щёлкнуло и наступила абсолютная тишина. По всем законам бытия сейчас должны были последовать длинные гудки вызова, но их не было. Можно было, наверное, сосчитать до десяти, пока длилась эта тишина. Он уже совсем собрался нажать на рычаг и набрать номер заново, но тут вдруг прямо посреди тишины прозвучал мелодичный женский голос:

– Бэ-дэ-у.

Это было так неожиданно и странно, что Виктор Анатольевич не нашёлся, что делать и что сказать.

– Бэ-дэ-у... – повторил он растерянно.

– Да, – подтвердил женский голос доброжелательно. – Бэ-дэ-у. Слушаем вас.

– Э-э-э, – протянул он, позабыв или не зная, что сказать. – А что это значит?

Зачем он это спросил? Он ведь просто должен был сказать: «Извините, я, кажется, ошибся номером». Нажать рычаг и набрать номер заново. Почему он этого не сделал? Чего он ждал? Может быть, он всё-таки ещё не был готов к тому, чтобы «сказать им всё»? Он давал себе время последний раз подумать?

– Бюро добрых услуг, – меж тем расшифровала дама с приятным голосом.

Неужели?!

Виктор Анатольевич был совсем ошарашен. Неужели в наше время ещё существуют бюро добрых услуг?! Хотя... Хотя каких только фирм и фирмочек с самыми странными названиями сейчас нет! Быть может, они предоставляют услуги горничных, няnek и прочего чего-нибудь, наподобие...

– Ау, – позвал его голос. – Вы здесь?

– Да-да, – спохватился Виктор Анатольевич. – Просто я... я несколько... э-э-э...

– Может быть, вы ошиблись номером? – предположил голосок.

– Нет! – поспешно воскликнул Виктор Анатольевич. – Нет-нет, я именно... да...

Наверное, всё-таки, он тянул время. А может быть, ему просто было приятно слушать этот тихий, спокойный, мелодичный женский голос.

– Замечательно, – терпеливо кивнула барышня на том конце. – Ну так чем мы вам можем помочь?

– Помочь мне? – повторил Виктор Анатольевич. – Э-э-э... Боюсь, что...

– А вы не бойтесь, – пошутила она. – Любое ваше желание будет исполнено качественно и в кратчайшие сроки.

– Вы – фея? – пошутил он.

– В некотором роде да, – на том конце провода его шутку, кажется, совершенно не поняли. – У каждого человека свои представления о том, кто занимается исполнением желаний.

– Думаю, что вашей фирме не по силам исполнить моё сокровенное желание, – сказал Виктор Анатольевич, иронично улыбнувшись телефонной трубке.

– Нашей *фирме*, – подчеркнула дама это слово, – по силам любые желания. – И уж по крайней мере, *сокровенные* желания – наша основная специализация.

– Подождите! – Его осенило. – Вы занимаетесь... э-э-э... вы предоставляете... как бы это сказать...

Дама в трубке терпеливо ждала, пока он наконец сформулирует свою мысль. Хотя молчание было таким, что не оставалось никаких сомнений: она уже поняла, что он хочет сказать.

– Ваша фирма занимается оказанием интимных услуг, да? – наконец проговорил он.

– Сокровенные желания всегда достаточно интимны, – сказала она. – Но если говорить о том, что конкретно вы имеете в виду в данном случае, отвечу: мы не делаем каких-либо различий между желаниями клиентов. Для нас не существует исполнимых и неисполнимых,

удобных и неудобных, хороших и плохих желаний. Есть просто желание отдельного человека. Всю ответственность за качество желания несет клиент. Мы отвечаем только за качественное его исполнение.

– Забавно, – произнес Виктор Анатольевич. – Вы так серьезно об этом говорите, будто и в самом деле... будто и в самом деле способны... Впрочем, понимаю: имидж фирмы... Другими словами, я могу позволить себе любое, самое извращённое желание, да?

– Да, – ответила она просто и естественно. – Это *ваше* желание и всю ответственность за него несете вы. И оцениваете его как «извращённое» или «благое» тоже вы.

– Удобно, – сказал он. – Удобную позицию вы заняли.

Она не ответила на его саркастическое замечание.

– Ну а кроме интимных услуг? – поинтересовался он неведомо зачем. – Чем ещё занимается ваша фирма?

– Я же вам сказала, – в её голосе не было даже признаков нетерпения, скорее в нём прозвучало то ли легкое удивление, то ли сожаление. – Мы занимаемся исполнением желаний... Вы уверены, что правильно набрали номер?

Он не знал, что ответить на этот каверзный вопрос. С одной стороны, говорить уже было не о чем. Он явно попал в одно из множества тех заведений, которые занимаются тем, что благообразно называется «организация досуга». Да, концепция этого конкретного заведения показалась ему довольно забавной. Но говорить, в общем–то, было больше не о чем. По крайней мере, сейчас ему было не до изощрённых способов организации своего досуга.

– А если я пожелаю *вас*? – зачем–то ляпнул он.

– Нас? – не поняла она.

– Нет–нет – вас, именно вас, конкретно вас, женщину, которая со мной разговаривает сейчас, – пояснил он. – Это тоже будет исполнимое желание?

Наступила тишина. Видимо, к такому вопросу дама с очаровательным голосом не была готова. Здорово он ее подловил! Ну–с, что теперь по поводу исполнимости?

– Да, – наконец ответила она. – Вы имеете право на любое желание.

Вот как... Ну что ж...

– И сколько это будет стоить? – спросил он. Кажется, его целью стало сбить её с толку, вывести из себя, заставить растеряться и занервничать.

– Услуги нашего бюро бесплатны, – ответила она заученной фразой.

– То есть... – растерялся он сам. – То есть как?..

– Всё–таки, насколько я понимаю, вы ошиблись номером, – констатировала она.

– Да, но... То есть, нет! – спохватился он. – Нет, я не ошибся... Скажите, а...

Стоп! Это какая–то ловушка... Может быть, таким образом они ищут идиотов, которых... которых можно развести на деньги или... или выведать адрес и потом...

Хотя нет, скорее всего это обычные мошенники. Сейчас она побольше о нем выведает, увлечёт пустым разговором, а потом впарит ему какую–нибудь совершенно ненужную вещь. Или навялит ему лекарство от всех болезней, которое в лучшем случае окажется слабительным.

Никто, никто в этом мире не станет делать добро за просто так. Ну за исключением редких идиотов. А уж бесплатно исполнять чужие желания...

– Э–эй? – позвала собеседница.

– Да–да, – отозвался он.

– Ну так? Вы что–нибудь решили?

– Нет... То есть, да. Скажите, а как вас можно найти?

Он довольно улыбнулся своему хитроумию. Ну что, господа, готовы вы назвать ваш адрес? А то ведь мы ещё и другими атрибутами вашей фирмы поинтересоваться можем.

– Боюсь, найти нас будет для вас не реально, – ответила она с улыбкой в голосе.

– Даже если это будет моим желанием? – не сдавался он.

Снова наступило молчание. Она обдумывала ответ. Видимо, не каждый день им попадаются такие смышленные клиенты. Они привыкли к тупицам, которых слово «халява» вводит в состояние транса, напрочь отключая им мозги.

– Мы исполним любое ваше желание, – ответила она. – И если вы чётко сформулируете, что именно вы имеете в виду, говоря «я хочу вас найти», то...

– То?.. – поторопил он.

– То мы предоставим вам такую возможность, – закончила она. – Только помните, что желание обратной силы не имеет. И желание может быть только одно.

Так–так... Пошли оговорки, условия, предупреждения... Уже лучше. Ещё немножко «дожать» и – мадам на том конце провода не выдержит: поняв, что напоролась не на того, она бросит трубку.

Он ещё сам точно не знал, что он сейчас скажет. Мысль ещё не оформилась в слова. В том, что он сказал в следующую секунду, повинен был только его язык.

– А если я захочу миллион долларов?

– Регистрировать? – спросил голосок. Впервые в нем, кажется, послышалось легкое нетерпение. Или усталость. Будто подобные вопросы она слышит уже в тысячу первый раз в своей жизни и давно утомлена однообразием людских желаний.

– Что? – не понял он.

– Это ваше желание? Мне регистрировать его к исполнению? – пояснила она.

– В смысле? – не понял он. – То есть вы хотите сказать... Вы хотите сказать, что у меня будет миллион долларов?

– Послушайте... – начала было она, но он не дал ей договорить.

– Подождите, а если я попрошу два миллиона? Вы мне их дадите? Вы пришлете нарочным? Или положите на мой счет?

– Я не знаю, – ответила она. – Я всего лишь оператор. Моё дело принять от вас желание, зарегистрировать его и поставить в очередь на исполнение.

– Как все буднично! – он чуть не рассмеялся.

– Ну, это всего лишь моя работа, – улыбнулась она.

– А миллиард? – пытал он. – Могу я пожелать миллиард?

– Послушайте, – кажется, она все же потеряла терпение. – Может быть, вам лучше перезвонить позже? Когда вы наконец определитесь с вашим сокровенным желанием.

– Нет–нет! – почти крикнул он. – Не оставляйте меня наедине с моими желаниями! Их слишком много. А я – один... Совсем один.

Она ничего не ответила. Она ждала.

Наверное, целая минута прошла в молчании.

– Что–то не так? – спросила она доверительно.

– В смысле? – не понял он.

– Ну, не знаю, – заколебалась она. – Обычно люди твёрдо знают, чего хотят. Или, во всяком случае, они думают, что хотят именно того, о чём просят.

– Наверное, я не такой как все, – кивнул он. – А вы не посоветуете мне, чего пожелать?

– Боюсь, что нет, – ответила она поспешно и почти испуганно. – Я не могу взять на себя такую ответственность.

– Слушайте, а давайте просто поболтаем? – предложил он. – Я понимаю, у вас там сценарий для разговора с клиентами–лохами, правила и все такое... Но мы уже оба понимаем, что я не ваш клиент, так что... Можем мы просто поболтать? Просто по–человечески поболтать. У вас очень приятный голос.

– К сожалению, я не могу, – произнесла она. – Мы с вами и так уже довольно долго занимаем линию...

– А если это моё желание? – настаивал он.

– Тогда я должна зарегистрировать его и поставить в очередь на исполнение. Я не исполняю желаний, – пояснила она. – И после того как вы изложите своё желание, оно не начнет исполняться немедленно, поэтому наш разговор всё равно будет закончен. А потом...

Она вдруг рассмеялась.

– Я никогда даже не представляла себя в роли желания, – пояснила она свой смех. – Не знаю даже, как такое ваше желание могло бы исполниться.

– Но оно исполнится? – спросил он.

– Вне всяких сомнений, – произнесла она совершенно серьезно и даже несколько буднично. – В нашем бюро не было ни одного случая, чтобы заказ остался без удовлетворения.

– Знаете, мне даже страшно стало, – добавила она несколько секунд спустя. – Я как представила себя в роли чьё-то желания... Это же я самой себе уже, вроде как, и не принадлежу...

– Да, – кивнул он. – Быть чьим-то желанием – большая ответственность.

– Наверное, – согласилась она. – Я никогда об этом не думала... Странно...

– Да. А представьте себе, что я пожелаю большего, чем просто несколько минут разговора с вами. Представьте, что я захочу, скажем...

– Вы меня пугаете! – не дала она ему договорить. Сказано было шутливо, но... но может быть, не так уж и шутя.

Он уже должен быть в театре. Через полчаса начнется репетиция.

Нет, его это уже не касается – ведь он принял решение... Позвонить. Он должен позвонить.

А вместо этого он уже полчаса ведёт никчёмный разговор с диспетчером лоховодческой фирмочки.

– А могу я загадать желание, которое... которое, скажем, причинит вред другим людям? – спросил он.

– Можете, – ответила она. – Вы можете сформулировать любое желание. И любое ваше желание так или иначе будет исполнено.

– Вам это не кажется несправедливым?

– Любое, даже самое личное желание, всегда кого-нибудь задевает, – ответила она. – И даже если вы попросите о справедливости, всегда ведь найдется кто-то, для кого ваша справедливость окажется чем-то противоположным и нежелательным.

Она сказала это быстро, не задумываясь. Наверное, думала об этом не раз.

– Но наша фирма работает очень грамотно. Никакого явного вреда никому причинено не будет.

– Вы меня не поняли, – покачал он головой и перенёс трубку к другому уху. Правое уже ломило. – Я имел в виду желание, прямо направленное на причинение вреда другому человеку. Ну например, если я пожелаю чьей-то смерти. Ужасной и мучительной.

– А... вы об этом... – её голос изменился. Он как-будто треснул изнутри. Стал сухим и ломким.

Она замолчала.

– И? – торопил он её с ответом.

– Я зарегистрирую любое ваше желание. Абсолютно любое.

– И оно будет исполнено? – не отпускал он её.

– Наша организация называется «бюро добрых услуг», – сказала она.

– Оно будет исполнено?! – почти крикнул он.

– Да, – выдохнула она едва слышно.

Нет, это не то. Это не лоховодческая компания. Это что-то иное. Она должна была ответить «нет». Она не должна была вот так буднично и уверенно обо всём говорить. И никакого заигрывания. Ни малейшего намека на установку близкого контакта. Так что же это? Куда он попал?

– И вы полагаете это справедливым? – спросил он устало. – Любой может позвонить вам и пожелать несчастья для ближнего своего?

– Я не занимаюсь вопросами справедливости, – ответила она отстранённо. – Я всего лишь оператор регистрации желаний.

– Но свое мнение–то вы имеете, чёрт вас побери!?! – прикрикнул он на неё.

– Имею, – ответила она тихо. – И не надо на меня кричать. Я приму и зарегистрирую любое ваше желание. Любое ваше желание будет исполнено. Но желания явного ущерба другим лицам или самому себе пойдут через другое ведомство.

Бред. Какое еще ведомство?

– Бред. Какое ещё ведомство? – озвучил он свою мысль. – «Бюро злых услуг»?

– Что–то вроде этого, – кивнула она.

– Так–так... А кто возьмёт на себя ответственность за содеянное?

– Я уже говорила вам: всю ответственность за качество желания несёт клиент. То есть вы.

– Ну хоть это утешает, – вздохнул он. – Другими словами, ваше бюро готово сделать для меня то, чего не могу или не умею сделать для себя я сам. Совершенно безвозмездно. Но под мою ответственность.

– Вы очень точно выразили принцип работы нашего бюро, – согласилась она.

– Забавно... Забавно...

Наступила тишина. В трубке он слабо слышал другие женские голоса – наверное такие же операторы регистрации желаний разговаривали с клиентами. И быть может, одна из этих операторов сейчас регистрирует желание тридцати трёх несчастий вот конкретно для него, Корягина Виктора Анатольевича... Забавно...

Тьфу... Неужели он принимает весь этот бред всерьёз?!

– Забавно, – повторил он. – Скажите, девушка, а как... я имею в виду, в чём будет выражаться моя ответственность?

– Это зависит от многих обстоятельств.

– А поконкретнее?

– Это зависит от очень многих обстоятельств, – повторила она. – Мне слишком долго придётся перечислять все возможные нюансы в расчёте меры ответственности клиента. Многих из них я могу просто не знать.

– Ну скажите, хотя бы, в утешение: мера ответственности пропорциональна желанию?

– Всегда, – коротко ответила она.

– Ну и чему, например, будет равна мера ответственности за ниспосланный мне миллион долларов?

– Она будет равна миллиону долларов.

Он рассмеялся. Ну да, разумеется, чему же ещё может быть равен миллион долларов, как ни самому себе!

Его смех, наверное, напомнил ей об её обязанностях.

– Итак? – спросила она. – Вы готовы сформулировать ваше желание?

– Сформулировать... – повторил он. – Сформулировать... Ну отчего же не сформулировать.

И вот тут ему вдруг стало страшно.

Или нет, не страшно. Но как–то не по себе. В начале этого странного разговора он внутренне исходил из того, что случайно нарвался на какую–то мошенническую компанию, или на глупый розыгрыш.

Потом, в процессе беседы с «оператором регистрации желаний» что–то пошло не так, и это «что–то» подспудно изменило его отношение к разговору. Незаметно для него самого изменило.

Ну и опять же глупую общечеловеческую слабость верить в чудеса следует тоже принять во внимание.

В общем, он не знал сейчас, что сказать. И это определённо говорило о том, что его отношение к «бюро добрых услуг» изменилось. Иначе что мешало ему ляпнуть первое, что пришло бы в голову... Ан нет – извечное человеческое «а вдруг правда!» сейчас стрекотало внутри черепной коробки, щекотало темечко изнутри, билось в паутине извилин.

– Слушаю вас, – поторопила она.

– Да–да, – отозвался он, лихорадочно соображая. – Одну минуту... Решение–то, сами понимаете, не из легких.

– Понимаю, – согласилась она.

На часах было 8:52. Через восемь минут начнется репетиция. В это время он всегда был уже в театре. К этому времени он уже успевал выпить кофе или чего покрепче. А сейчас его не было. Его ещё не хватились, конечно, но Виктория наверняка уже заметила его необычное отсутствие. Быть может, она уже звонила ему. А сотовый он ещё не включал. А домашний – занят разговором с... С кем?

– Как вас зовут? – спросил он.

– Ирина, – легко ответила она.

– Ира... Ирочка, скажите мне правду: кто вы?

– С самого начала я чувствовала, что вы – не клиент. Где вы взяли номер телефона?

Номер телефона!

Он звонил в театр. А попал... Он ошибся номером. Или старенькая телефонная станция соединила его чёрт знает с кем.

– Ира, согласитесь, ни один здравомыслящий человек не поверит в существование какого–то там...

– До свидания, – перебила она. – Спасибо за ваш звонок. Очень жаль, что мы не смогли вам помочь.

– Одну минуту! – закричал он. – Моё желание! Ирина! Не кладите трубку.

– Я слушаю, не кричите так, – отозвалась она.

– Моё желание! – повторил он.

– Я записываю.

– Видите ли... – замялся он. – Я артист. В театре. Я хороший артист... Ну не знаю... Кажется, я хороший артист. То есть педагоги мне говорили, что я талантлив. Но... Но мне вчера исполнилось сорок два. Уже. Да, мне сорок два, а я... Наш режиссер, он...

Его мысли путались.

– Я понимаю, – поддержала она.

– Да ничего ты не понимаешь! Не перебивай меня!

– Простите, – извинилась она.

– Простите, – как эхо повторил он. – Я нахамил...

– Всё нормально, – успокоила она.

– Понимаете, Ира, я уже далеко не мальчик... В смысле, бóльшая часть жизни уже прожита... Помните, у Данте: «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»

– «Утратив правый путь, во тьме долины», – продолжила она.

– Да. Да.

– Вы не реализовались как актёр? – подсказала она.

– Да!.. Нет... Не перебивайте меня, пожалуйста... Да, как актер, как... как человек... как мужчина... В общем, я не... Впрочем, это всё неважно... Ира, сколько вам лет?.. Ах да, простите... В общем...

Какого чёрта! – громко и отчётливо сказал кто–то внутри него.

Действительно, какого чёрта?! Он утратил контроль над собой. Он поверил в какую-то чушь. Он раскис и пошёл рассказывать свои проблемы неизвестно кому – какой-то девчонке, которой и до него самого и до его проблем как до лампочки.

– В общем, вы хотите... – подсказала она.

– Напиться я хочу, – ответил он устало.

– Простите? – не поняла она.

– Бутылку водки мне. Или две.

– Это ваше желание?

– Ну да, – кивнул он. – И вы там не тяните с исполнением. Желание не самое дорогое, я думаю.

– Вы уверены, что хотите именно этого?

– Исполняйте, – произнёс он не без сарказма.

– У вас не будет другого шанса.

– И побыстрее, – упирался он. – Сколько вам нужно времени на регистрацию и исполнение этой мелочи?

– Такая возможность предоставляется только раз в жизни. И далеко не каждому.

– Ира... Ирочка... Или как вас там на самом деле... Давайте уже что-нибудь делать, а! У меня уже ухо болит.

– Я не имею права оказывать никакого влияния на клиента – это нарушение инструкции, – попыталась она образумить его. – Каждый человек сам несёт ответственность за исполнение своих желаний. И за их выбор. Но, вы, кажется, не понимаете, как вам повезло.

– Вот и не надо, – зло произнес он. – Не надо оказывать на меня давление. Не следует нарушать инструкцию.

– Подумайте, вы...

– Хватит! – рявкнул он.

Наступила минутная тишина. Потом он услышал в трубке пощёлкивание клавиатуры. Она набирала что-то на компьютере. Ещё через минуту она уточнила:

– Две бутылки водки, я правильно поняла?

– Вы всё правильно поняли, – подтвердил он.

Снова пощёлкивание клавиш. Ещё через минуту:

– Номер вашего заказа – двести сорок шесть. Пожалуйста, запомните этот номер – он понадобится вам, если возникнут какие-то недоразумения и вы захотите предъявить претензии по качеству исполнения желания. Крайний срок предъявления претензии – сутки после исполнения.

– Да чёрт с ним, – отмахнулся он.

– Заказ двести сорок шесть, Корягин Виктор Анатольевич, две бутылки водки, дата заказа – семнадцать ноль девять ноль шесть. Спасибо, что воспользовались нашими услугами. До свидания.

Стоп!

Откуда она знает его фамилию?... Имя, отчество?

Стоп.

Что вообще происходит?!

– Одну минуту! – крикнул он в микрофон.

Ему ответил гудок. Обычный длинный бесконечный гудок. Не короткие гудки отбоя после соединения, а тот гудок, который встречает тебя, когда снимаешь трубку.

– Ирина! – позвал он без всякой надежды.

Что произошло?

Куда он попал? Что это было?

Телефонный справочник!

Он лихорадочно схватил потрёпанную книжку, торопливо пролистал до буквы «Б».
Бэ–дэ–у.. Бэ–дэ–у... Бюро добрых услуг...

Ничего подобного в справочнике, разумеется, не было. Между банно–прачечным комбинатом №2 и бюро технической инвентаризации не было ни одной записи, похожей на БДУ. Впрочем, справочник был старый.

Он торопливо метнулся к компьютеру. Нетерпеливо постукивая пальцами по клавиатуре, дождался загрузки. Открыл электронный справочник... Ничего.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

Так... Он звонил в театр... Предположим, он ошибся номером. Ошибся, вероятно, не больше, чем в одной цифре... Так–так–так... Телефон театра – семнадцать ноль девять ноль шесть... Что?... То есть как это?... Сегодня семнадцатое сентября... Две тысячи шестой год...

Ах ты чёрт!..

Одним прыжком обратно к телефону.

Семнадцать ноль девять ноль шесть...

«Алло... Алло! Вас не слышно, перезвоните» – голос Полухина, помрежа.

Нет... Нет... Не то. Совпадение... Ладно, ещё раз.

Семнадцать ноль девять ноль шесть...

«Алло... Да что за ерунда!.. Не слышно вас» – всё тот же Полухин.

К чёрту!

Семнадцать ноль девять ноль пять... Квартира.

Ноль семь... Не то.

Ноль восемь ноль шесть... Черт, не то...

Он бросил трубку на телефон так, что тот жалобно звякнул.

«Идиот! – обратился он к себе. – Идиот! Ты идиот!»

Когда телефон вдруг зазвонил, он подпрыгнул от неожиданности.

– Да! – закричал он в трубку.

– О Господи... Что ж ты так орешь–то...

Виктория.

– Привет, Витюш. Ты где? Звоню, звоню – занято и занято. Ты что, проспал?

– А?... Да... Да, я проспал.

– Угу... Митрофанова тоже нет... Вы не вместе проспали, а?... Ха–ха, шучу, шучу... Портос в ярости. Репетиция сорвана.

– Вика... Ты это... Ты извини, я сейчас звонка жду...

– О как! Он звонка ждёт... А Портос ждёт тебя. Мы все тебя ждём... Случилось что?

– Да... Нет... Случилось... Извини...

Он положил трубку.

Идиот. Какой же он был идиот.

Она дала ему номер заказа. Значит, подразумевалось, что он может позвонить туда ещё раз... Почему он не спросил номер их телефона, почему?... Ну да, потому что боялся: она убедится в том, что его звонок был случайным... Идиот.

Ладно. Что теперь–то делать?..

Но так ведь не бывает! Во что он поверил? В какую чушь?

Ну знала она его фамилию, ну и что с того? У них определитель номера. Пока она разговаривала с ним, кто–то другой проверил, на кого зарегистрирован номер... Так?..

Да, очень может быть... Одна неувязка есть: зачем? Зачем им это было нужно? Какой смысл? Выгода какая? Да никакой...

Звонок, на этот раз – в дверь, заставил подпрыгнуть второй раз. Он метнулся к двери, лихорадочно дёрнул задвижку замка – сорвалось. Дёрнул ещё раз и резко и широко распахнул дверь...

Митроха... Митрофанов. Явно уже датый с утра. Когда успел?

– О–о–о! – обрадованно и пьяно протянул незванный гость. – Витюха! Дома! А я как знал, ага.

– Ты чего? Ты почему не в театре? Где уже наелся с утра?

– Хэппи бёрсдэй, как говорится, ту ю, – радостно игнорировал Митроха его вопросы, наваливаясь, отталкивая, пробивая себе путь в прихожую.

– Эй, куда! – попытался Виктор Анатольевич остановить неуместного поздравителя.

– Витюха! – пропыхтел Митрофанов, падая на скамеечку и пытаясь стянуть туфли. – Я как чуял, что ты нынче дома... А что, думаю себе, не отметить ли нам с Витьком его днюху...

– Какую днюху?! Днюха была вчера. Вчера после ревизора пили – забыл?

– Забыл, – кивнул вчерашний Добчинский.

Потом, довольно хрюкнув, он достал из кармана мокрого (дождь уже пошёл?) плаща бутылку водки.

– Бибамус! – радостно прокомментировал он.

– Э нет, Митрофанов, нет! – замотал головой Виктор Анатольевич. – Не буду я с тобой сейчас пить.

– Эт почему же это? – возмущённо воззрился на него Митроха.

– А–а–а, – понимающе подмигнул он в следующую секунду и кивнул. – Понял, не дурак...

Он перевалился на другую сторону, едва не рухнув со скамейки, и с оглушительным «оба–на!» извлёк из другого кармана вторую бутылку водки.

– Гуляем, Витюха! – прогремел он.

Виктор Анатольевич обречённо откинулся к стене.

– Получите, распишитесь, – произнёс он.

– А? – не расслышал Митрофанов.

– Ничего, Митроха, ничего...

Он прошагал к телефону и набрал номер театра.

– Алло, – отозвался помреж Полухин.

– Александр Ильич, здравствуйте... Это Корягин.

– Корягин! Какого хрена, Корягин?! Ты почему не в театре?

– Видите ли, Александр Ильич, тут такое дело... Я вам сейчас всё объясню...

– Объяснишь, Корягин, объяснишь! – взревел помреж. – Вот сейчас приедешь в храм Мельпомены и объяснишь, твою мать! Двадцати минут тебе хватит, артист, а?.. Не слышу!.. Корягин!

– Да, – кивнул он, прочищая горло. – Да, Александр Ильич, я постараюсь...

– Ага, Корягин, ты уж постарайся, – не унимался помреж. – Ты очень постарайся. Иначе Портос тебя сожрёт. А что он не доест – то я дохаваю. Так что давай, Корягин, давай!

Семидневие

День первый

Они всё же начали.

Только–только взялись падать первые бомбы, как сразу отключился свет. Это очень неудобно. Мало того, что приходится писать мой дневник в темноте, так ещё и не видно себя в зеркале. Ну и что такого? – хмыкнет кто–нибудь. А то, что я как раз стоял и брился, когда пропало электричество. А бритва у меня электрическая. Вот и представь теперь, неведомый мой хмыкатель, как я явлюсь на судный день, пред очи Божьи, бритым на одну щёку. И седину проредить я тоже не успел. В последнее время у меня развелось много седых волос и я их ежедневно удаляю – выдёргиваю. Для этого нужны хорошие нервы, но прежде всего – хорошее освещение, а где его взять? Я мог бы заняться этим у окна, если бы они не заставили всех соблюдать светомаскировку. Чтобы сделать окна светонепроницаемыми, я снаружи покрасил их зелёной краской (была ещё синяя и коричневая, но мне больше нравится зелёный цвет). Получилось так зелено, что я не удержался и нарисовал поверх синие васильки с коричневыми стебельками. Изнутри обклеил стёкла пластырем и скотчем, исключив попадание света не только изнутри наружу, но и наоборот. И вот она, благодарность за мою законопослушность – зарасту теперь сединой, как старый лунь.

Долго искал станок для бритья. Нашёл. Но оказалось, что единственное лезвие, которое у меня осталось, заржавело и затупилось ещё лет надцать тому назад.

Бомбы падают где–то в стороне парка. Хм. Какой им смысл бомбить парк, не понимаю. Как всё же глупы наши враги. Мы победим, я в этом несколько не сомневаюсь. И дабы выразить врагам своё презрение, не стану спускаться в бомбоубежище. Тем более, что толку от этого, говорят, меньше, чем немного, потому что бомбы у врагов какие–то специальные, которые могут разрушить даже глубоко скрытый под землёй бункер. Можно подумать, у нас в городе полно подземных бункеров. Глупцы, глупцы.

Время обеда, а электричества так и нет. Видно, его теперь уже и не будет. Зря Господь сотворил свет. Задаюсь вопросом: есть ли что–нибудь такое, созданное Богом, чего человечество не могло бы разрушить в неудержимом тупоумии своём? И прихожу к ответу, что нет – нет ничего такого.

Слава Богу, у меня есть консервы. Ну и ладно, пообедаю сухпайком, что ж теперь. Хотя, консерванты безусловно вредны.

Опять бомбят. Где–то близко.

Очень скучно без телевизора и компьютера.

День второй

Никак не могу приспособиться прореживать седину. А она, словно почуяв мою беспомощность, расширяет свои владения. Этак я к концу войны бесповоротно поседею. Попытался выщипывать волосы в том полумраке, в котором теперь приходится жить, но через несколько минут понял, что занимаюсь мазохизмом и бросил. Чёрт с ней, с сединой.

Сегодня отключили воду. Видимо, разбомбили водонапорные станции. Интересно, враги это делают специально, или просто валят бомбы куда ни попадя, и их так много, что они просто не могут не разрушить инфраструктуру? Кстати, несколько бомб упало в соседний квартал. Похоже, у врагов есть какой–то план относительно бомбёжек – они не просто сеют бомбы куда

попало, а разделили город на участки и бомбят их один за другим поочерёдно. Мне так кажется. Слава Богу, у меня всегда отстаивается пятилитровая бутылка, так что несколько дней мне ещё не понадобится отправляться на поиски воды, если соблюдать режим жёсткой экономии. А выходить не хотелось бы – как–то страшно оказаться совсем ничем не защищённым от этого неба.

Поставил на плиту воду – сварить яйцо. Яйцо стояло минут десять, но вода так и не закипела. Только тут вспомнил, что электричества нет. Смеялся.

Опять бомбят. И опять соседний квартал, только южнее, рядом с тем, что бомбили давеча. Ну точно, они действуют по плану, методично. Не такие уж они и тупые, эти враги. Но зато выходят ещё бóльшими мерзавцами.

Я, наверное, уже совсем седой. И небритая щека жутко раздражает. На бритой тоже уже, конечно, проклюнулась щетина, но до чего же, всё–таки, неприятно быть вот в таком смысле разносторонней личностью.

День третий

Щетина растёт, растёт ежеминутно и ежесекундно, я прямо чувствую, как она поднимается над моими щеками и скоро превратится в заросли.

Кстати, говорят, парк окончательно уничтожили – не осталось ни деревца, ни кустика, ни травинки даже не осталось – только выжженная и изрытая воронками земля. И пруда посреди парка не стало – то ли испарился, то ли ушёл в землю... Будь они прокляты, эти враги! Люди, люди, какая же вы всё–таки пакость! Я так любил гулять в этом парке.

А они всё бомбят. Сегодня бомбят квартал рядом со вчерашним, от которого осталось лишь пара огрызков домов.

Седина чувствует себя вольготно. Ненавижу её. Небритость тоже ужасно раздражает.

Разговорился с соседкой из квартиры через одну, направо. Оказалась приятная женщина, одинокая. Кажется, она хотела меня. Да конечно хотела, потому что всё говорила о том, как страшно ей одной переживать весь этот кошмар. Но я не остался с ней. И так во всё время беседы пришлось держаться к ней одной щекой, куда уж тут... И проклятая седина заполонила уже, кажется, всю голову.

Позже она пришла сама. Я не открыл. Смотрел на неё в глазок и слушал, как она настойчиво стучится в дверь. Но не открыл. Нет уж, каждый сам должен хоронить своих мертвецов. И умирать тоже лучше в одиночестве – так я считаю. Да и незачем мне лишний раз переживать из–за неравномерной бритости щёк и седины в волосах.

Бедный, бедный! – услышал я через дверь, прежде чем она ушла.

Всю ночь не мог сомкнуть глаз из–за бомбёжки – ухало и ухало где–то совсем рядом. В бомбоубежище не пошёл, разумеется. Делал бумажные самолётики и запускал. Комната у меня небольшая, поэтому нормального полёта у самолётов не получалось. Тогда я открыл окно и запускал их на улицу. Вот так и летали самолёты: одни сбрасывали сверху на город бомбы, другие – белыми бесшумными пятнышками растворялись во мраке.

День четвёртый

Седина стремительно прибавляется, или мне так кажется в постоянном сумраке комнаты. Когда–то я носил бороду; теперь скоро, кажется, снова буду её носить. Грустно.

Мой рацион теперь состоит из сырых яиц (надо их съесть побыстрее, пока не протухли), консервов и сухофруктов, благо их много – я всегда любил компот. После войны на яичной диете я, наверное, смогу стать известным оперным певцом. Смех да и только...

Режим строгой экономии не удался – вода почти вся вышла (от постоянного навязчивого чувства голода невольно пью больше обычного). Пришлось дожидаться перерыва в бомбёжке и выйти на поиски воды.

Оказалось, что на улице ночь. То есть, по времени суток – то было, кажется, немного за полдень, но солнце затянуто тучами дыма и пепла, так что его совсем не видно. Холодно, очень холодно для лета. И ни солнца, ни луны, ни звёзд – ничего они нам не оставили. Как теперь отделять день от ночи? Как времена и годы различать теперь?

Питьевой воды не нашёл. Но зато нашёл лужу. Не знаю, откуда она взялась, дождей – то не было. Может быть, натекло откуда –нибудь. В общем, начерпал пятилитровую бутылку. Дал воде хорошенько отстояться. Потом несколько раз пропустил через марлю. Всыпал пять таблеток активированного угля.

Вкус у воды мерзкий – бензиново-напалмово-горелый, но это всё же лучше, чем ничего.

Говорят, добомбились до того, что река где-то, задолго до города, изменила русло. Так что теперь даже на реку за водой не сходишь. Что ж... По крайней мере, круговорот воды в природе они пока ещё не отменили, а значит можно будет добыть каким-то образом хоть минимум влаги – дождь, роса, конденсат... Ах, как я любил жареную рыбку!..

Невероятная удача! Нашёл две свечки, которые когда-то давно, наверное, купил на случай, если надолго отключат свет. И забыл. И вот – нашёл.

В жухлом свете свечи удалял седину. Её стало непозволительно много. Я уже думаю, не побриться ли наголо. Но вспоминаю, что бриться нечем. В сумраке – почти в темноте – отражаться в зеркале было страшно.

Опять бомбят. Теперь квартал справа от нашего. Наверное, завтра возьмутся за нас. Всё равно не спущусь в бомбоубежище. Пошли вы все...

День пятый

Виски у меня стремительно белеют. Седеть я начал с висков, но пока прореживал седину, она не выглядела такой обильной. Да и сверху головы теперь тоже белым-бело. Надо же...

Жутко чешутся шея и щёки – у меня всегда так, если не побриться дня три-четыре.

Говорят, разбомбили зоопарк. Он располагался как раз за нашим кварталом, севернее. Говорят, кишки львов, медвежьи головы и олени ноги находили аж за два квартала. Не видно ни птиц, ни кошек, ни собак – все или погибли, или сбежали в леса. Бог даст – последнее; но надежды мало. От человека, когда у него мозги набекрень съехали, не сбежишь. Всё разрушит, всех убьёт, сожжёт, уморит голодом, пока не останется сам один. И тогда, если не сдохнет, как-нибудь убьёт и себя.

Седина сводит меня с ума. Попробовал обрить её тем самым лезвием, но только истерзал голову свою и выдрал несколько клочков волос там и тут. Причём выдрал нормальные волосы, так что седины стало в процентном соотношении ещё больше.

Бомбят наш квартал. Раскрыв окно, я видел, как соседний дом вдруг просел сначала, а потом поднялся в воздух, словно решил улететь подальше от всего этого безумия. На одном балконе я видел мальчика лет шести-семи. Странно, что родители не увели его в бомбоубежище. Он улетал в небо, раскинув руки, и тоже смотрел на меня. Кажется, ему совсем не было страшно; во взгляде его я увидел только удивление от того, что он вдруг обрёл способность летать, как птица небесная или ангел.

Жутко чешутся щёки и шея – до того, что хочется взять ножницы и скоблить, скоблить, скоблить эту колючую седую мерзость.

День шестой

В городе никого не осталось. Совсем никого. Наверное, те, кого не убило, сбежали. А может быть, какая-нибудь глубинная бомба попала прямо в бомбоубежище и убила сразу всех. Я обошёл весь город – то, что от него осталось (а уцелело, кажется, только два квартала) – и никого не увидел, ни одной живой души. Везде только тьма, дым и смерть. Много тьмы, дыма и смерти. Смерти больше всего. Или дыма. В этой тьме трудно понять.

Ну что ж, значит, я остался один и могу теперь сесть и зарастать бородой сколько мне заблагорассудится. Прекрасно. Хотя и немного грустно.

Очень хочется есть. Остались только горсть сухофруктов, несколько печений и банка рыбных консервов. Если война не кончится в ближайшее время, я начну худеть вдобавок к седине и поросли на лице, превратясь в бомжевидного недочеловека.

Когда я уже подходил к своему дому, неподалёку взорвалась бомба. Осколок едва не разможжил мне голову, но пострадала только шляпа – она оказалась пробитой насквозь. Осколок летел с такой скоростью, что шляпа даже не упала с моей головы. Вот такие дела... Ну, ничего, где-то у меня завалилась ещё одна, старая. Только к моей трости та шляпа, кажется, не очень подойдёт. Зато она глубже и поля у неё немного отвисли, так что седины под ней совсем не будет видно. Только на висках.

Всю ночь не сомкнул глаз из-за грохота бомбёжки. Играл сам с собой в покер и размышлял о смерти. К утру выиграл у себя немного денег. Рассмеялся, открыл окно и медленно высыпал их – монета за монетой – во тьму. Они, посверкивая напоследок во вспышках взрывов, падали во мрак.

День седьмой

То ли утро, то ли день... Да и так ли теперь это важно. В остатках воды развёл немного мыльной стружки и пускал в окно мыльные пузыри. Так и знал, что зрелище будет чудесное, просто волшебное: в сполохах огня от разрывов пузыри вспыхивали всеми цветами радуги.

Внезапно пришла соседка (двери я уже не закрываю)... Вот так дела, она, оказывается, тоже уцелела. Значит, нас осталось двое в этом городе тьмы. А может быть, во всём мире?

Она принесла яблоко. Вот, говорит, последнее осталось. Разрезала его пополам. Угощайтесь, говорит. Самое последнее, говорит. Теперь когда ещё доведётся попробовать, да и доведётся ли... Искусительница! А я – седой весь и небритый. Фу, как стыдно!

Я сказал, давайте сначала попускаем пузыри, а уж потом насладимся яблоком. Но она ответила, что яблоко окислится. Вот съедим, говорит, и будем на сытый желудок пускать пузыри – ведь так приятней.

Я уже съел свою половину, а потом только и подумал: чего это она вдруг? Не отравлено ли яблоко? А то ведь чёрт их, женщин этих, знает... А она словно поняла – улыбнулась: да, говорит, это яблоко с древа забвения добра и зла. Ну а теперь давайте, говорит, пускать пузыри...

И пришёл покой

Сначала стопы у него позеленели, как листики молодого салата, а потом покрылись коричневатой коростой. Само по себе это было не страшно, и ничего такого, слишком необычного, в случившемся не было. Да и произошло всё как-то исподволь и почти незаметно. Он не мог бы сказать, когда это началось. Во всяком случае, происходящее его не испугало.

Потом стопы слегка распухли. Впрочем, нет – не слегка. Опухли они довольно заметно, так, что он даже носить свои старенькие башмаки больше не мог и стал ходить босиком, отчего ступни ещё сильнее огрубели и покрылись уже ощутимо твёрдой корой; зелёный цвет перебрался выше – на щиколотку и распространился до самого колена.

Потом ему стало довольно трудно ходить. Не то чтобы он чувствовал боль, нет, просто ноги его безмерно отяжелели и отказывались передвигаться. Да ему и самому двигаться как-то уже не очень хотелось, а всё больше – постоять спокойно, подышать, послушать тишину.

Но стоять ему поначалу было страшновато, потому что едва он успокаивался на одном месте больше чем на пять минут, как пальцы на его ногах вдруг начинали жить собственной жизнью – они удлинялись, разделялись, множились; какие-то тонкие узловатые отростки появлялись из них и извивались, как живые, внедряясь в почву. Приходилось тут же перемещаться. Он с трудом отрывал ногу от земли и делал два-три коротких шага. Но очень быстро утомившись, снова застывал на месте, и тогда всё повторялось.

С его душой тоже происходило что-то странное. Если раньше он был подвижен, суетлив, впечатлителен, всегда куда-то спешил и к чему-то стремился, то теперь стал нетороплив, спокоен, сосредоточен и едва ли не равнодушен ко всему, кроме тишины, воды и воздуха. Он мог часами просто стоять, лишь изредка, с трудом отрывая ноги от земли и перемещаясь с места на место, и слушать, как журчит в несказанной тишине ручей, как поют птицы, как неторопливо течёт вслед за ручьём жизнь.

Он заметно вырос. С каждым разом ему все трудней и трудней было отрывать ноги от земли. Теперь в том месте, где он только что стоял, образовывались глубокие рытвины, потому что его пальцы-корни с каждым разом всё быстрее и надежней врастали в грунт.

А однажды он просто не захотел сходить с места. Он позволил пальцам-корням углубиться в почву настолько, насколько им этого хотелось. Он замер, прислушиваясь к тому, что шепчет ветер и поёт ручей. И тогда пришёл долгожданный покой. Он понял, что давно уже должен был последовать естественному стремлению своего организма, не сопротивляться ему. По телу его разлилась дивная сила, получаемая от животворных и вкуснейших земных соков. Он застыл, закрыл глаза и задремал...

* * *

Его жена сокрушалась о потере мужа. Кроме того, дуб, который рос теперь чуть ли не посередине огорода, стал помехой во возвращении и сборе урожая картофеля и моркови. Ей не раз приходила в голову мысль пригласить соседей, чтобы они помогли ей выкорчевать дерево. Но очень уж детям нравилось играть в Робина Гуда под его мощными раскидистыми ветвями. Да и сама она, после того, как сосед поставил под дубом лавочку, полюбила сидеть в тени дерева со своим новым другом – почтальоном из соседнего села. Почтальон оказывал ей знаки внимания и делал недвусмысленные намёки...

* * *

А он давно уже перестал думать о них. Такая скорая перемена в отношении к нему со стороны жены конечно поначалу огорчала его, одно время он даже чуть не заболел и вся листва на нем пожухла. Но потом боль отступила. Гораздо важнее для него теперь было приблизиться к небу. Он ощущал себя неким мостом между землёй и небесами, цепью, соединяющей их воедино. Как корни его уходили глубоко в землю, так и ветви его стремились уйти в синеву – туда, в бесконечную высь. Он знал, что если ему удастся соединить две стихии, две противоположности, то это и будет его подлинным счастьем.

Ещё было интересно наблюдать за игрой детей. И хотя иногда они делали ему больно, вырезая на его стволе всевозможные знаки и надписи, но он прощал им это, умиляясь их детской непосредственности.

Всё больше и больше людей приходило отдохнуть возле него, посидеть на лавочке, лузгая семечки, поговорить о пустяках. Со временем рядом поставили ещё одну скамейку и небольшой столик. Так что теперь нередко долгими летними вечерами здесь слышался треск домино или шумная беседа разгорячённых алкоголем людей.

Он был вполне доволен жизнью, становился выше и выше, всё крепче держался за землю. Больше всего он любил ночи – когда лишь ветер тихо шуршал его листвой, да ручей пел свою бесконечную волшебную песню...

Но однажды случилось несчастье. На одной из его ветвей повесился маленький худой человечек – студент, приехавший на каникулы из города. Говорили, что он сделал это от несчастной любви.

«Странно, – думал он, глядя на раскачивающееся на верёвке тело, которое вынимал из петли сосед, забравшийся на стремянку. – Странные всё же они существа, эти люди. Ну как любовь может быть несчастьем?! Разве должна и может она становиться причиной смерти? Ведь любовь – это жизнь».

Однако люди думали иначе.

* * *

Жена не смогла смириться с тем, что в её огороде, на её дереве покончил с собой человек. Теперь и дети не играли под дубом – они боялись. Соседи тоже перестали приходить отдохнуть под его кроной. Да и сам дуб после покойника стал каким-то некрасивым и задумчивым. Ветви его как-будто искривились, покрылись уродливыми узлами, а листва стала редкой и жухлой.

Наконец, однажды женщина позвала соседей и они спилили дерево. Труднее всего было выкорчевать пень – уж очень мощные были у дуба корни.

Радуга в октябре

В жёлтом плаще с бордовым подбоем, шаркающей пожилкой походкой пришёл октябрь. Пляжи опустели, гостиницы опустели; опустели банкоматы, улицы, головы, кофейные чашки, кошельки отдыхающих и урны. Опустело ещё не наступившее «завтра». И вся череда дней, стоящая за ним в очереди – зазвенела пустотой, аккомпанируя себе на цитрах дождевых струй и кимвалах облаков.

А октябрь и не понял, что он натворил. Понять и выразить октябрь мог бы поэт Неудалов, но его как раз в это время хоронили в могиле под номером 7368-бис на городском кладбище имени Ленина.

Непонятый и необъяснённый октябрь холодно подул на клён, стоящий поблизости. Остатки жёлтых листьев эпитафически прощуршали, опадая и ложась на гроб. Последний подарок этого мира.

Дух поэта Неудалова стоял, небрежно прислонясь к соседской оградке, и наблюдал за процедурой. И размышлял о том, как важна для человека огороженность, обособленность и замкнутость пространства: квартира, комната, участок, дача... оградка. Неудалову оградка была не нужна, тем более, что при жизни он мучился клаустрофобией. Но традиция есть традиция – возражать он не собирался.

Раньше Неудалов терпеть не мог осень и сочинял в адрес «рыжей стервы» отчаянно матерные и порой грустные стихи. Иногда стихи были даже необыкновенно лиричны (что само по себе странно: ведь лирика – это склонность любви). Теперь же, когда он стоял, обнажённый, под колючим дождём кленовых листьев, он был так же пуст от стихов и чувств, как пляжная урна от стаканчиков из-под мороженого. Что интересно, он вообще забыл всё, написанное при жизни. И с удивлением слушал выступающего поэта Солоненко, который проникновенно читал стихи Неудалова «Радуга в октябре»: «Умереть в октябре – это, право, не так уж и грустно...» В роще неподалёку торопливо стучал дятел. Где-то жгли листву; её тревожный горький запах покалывал ноздри.

Когда, наконец, все речи были произнесены, все слёзы пролиты, вся водка выпита и съедены все печенья, а могильщики закончили с обсыпкой, народ степенно потянулся с кладбища, хмурясь на тяжёлое небо. Вскоре бывший поэт остался совершенно один, если не считать бродячего рыжего кота, дремлющего поджаристым калачом на могильной плите за номером 7356. Куда ни глянь, не было больше ни души. Ни человека. Абсолютную тишину нарушал только стук дятла да лёгкий шорох уцелевшей в боях с ветрами листвы. Было покойно и сонно, как бывает лишь на кладбищах.

Вдохновлённый покоем Неудалов подумал было набросать в голове пару строф по теме, но с удивлением отметил, что оно ему на фиг не нужно. Совсем. Гораздо больше поэтических изысков его сейчас интересовал приبلудный могильный кот.

– Кис–кис! – позвал поэт.

Как ни странно, кот услышал потусторонний зов. Он повёл ухом, давая понять, что звуковая волна им принята, и даже приоткрыл на секунду один глаз. Что было странно, животное совсем не испугалось. А ведь считается, что кошки остро чувствуют духов, нежить и нечисть. Неудалову оставалось заключить о себе, что он не является ни духом, ни нежитью, ни – что очень его порадовало – нечистью.

– Слышишь меня, да? – произнёс поэт.

– Ну да, – сонно ответил кот и зевнул.

– Удивительно!

– В самом деле? – кот снова приоткрыл один глаз, чтобы бросить на поэта мимолётный взгляд. – И что же тут удивительного? Ты говоришь, я – слушаю.

– Да нет, *это* – *ладно*. Гораздо больше меня удивляет, что я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.